

мас - нс

Изданіе 1-е, 1896 г.

№ 125

1896

Копія. Литературный пр., д. 60.

4

10255-1

Фельетонъ «Петербургской Газеты».

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Новый нарисованный приемъ.—Рассказъ г. Амт.
Челова.—Романъ г. Жи Гиннуса.

«Русскій Вѣстникъ» журналъ чрезвычайно интересный. Онъ былъ интересенъ при г. Бергѣ, а при г. Стахѣвѣ сталъ интереснѣе вдвое. Что я говорю—вдвое? Втрое и вдесятеро!

Признаюсь, я не удосужился прочесть романы, печатающіеся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и принадлежащіе перьямъ гг. Стахѣва и Всеволода Соловьева. Поэтому слѣдовало-бы назвать мое заявленіе о томъ, что «Русскій Вѣстникъ» душка изъ душекъ, голословнымъ. Но достаточно указать на двѣ статейки журнала г. Стахѣва, появившіяся въ майской книжкѣ, чтобы стяжать себѣ репутацію безпристрастного хвалителя «Русскаго Вѣстника». Статьйки эти не подписаны и поэтому должны считаться редакціонными по преимуществу. И такъ какъ при г. Бергѣ, несмотря на всю его консервативность, ничего подобнаго не могло-бы быть напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ», то отсюда вытекаетъ заключеніе, что они могли появиться только при г. Стахѣвѣ.

Въ одной изъ нихъ, самой маленькой, редакція разъясняетъ, что такое литературный доносъ, и приходитъ къ тому выводу, что доносъ вещь не предная, потому что, несмотря на усиленную дѣятельность въ доносническомъ измышленіи тѣхъ лицъ, которые избрали своею спеціальною кричать при всякомъ литературномъ явленіи «слово и дѣло», жертвы доносничества продолжаютъ себѣ процвѣтать и, слѣдовательно, все обстоитъ благополучно. Дальнѣйшій и окончательный выводъ тотъ, что «Русскій Вѣстникъ» нацѣренъ, по нѣмъ своимъ силъ, практиковать «слово и

дѣло» и открыто и честно признавать доносы литературнымъ средствомъ въ предпринимавшей борьбѣ съ либералами.

Просто и хорошо, а главное оригинально и, можно сказать, небывало.

Рыцарь Зеркаль стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что въ обществѣ теченіи утѣшенной, нравственной и политической жизни нашего общества одинаково необходимо участіе и либеральныхъ, и консервативныхъ элементовъ и что отъ взаимнаго ихъ столкновенія jaillit la vérité.

Онъ имѣетъ дерзость думать, что государственные люди, заведующіе судьбами нашего отечества, точно также давно усвоили себѣ эту точку и что поэтому у насъ существуютъ либеральныя и консервативныя изданія, а надъ ними не дремлетъ особый надзоръ: есть учрежденіе, разрешающее консерваторамъ печатать консервативные журналы, а либераламъ либеральныя. Доносъ никогда не входилъ въ число средствъ литературной борьбы и онъ одинаково долженъ презираться представителями обѣихъ литературныхъ партій.

Какъ же не отгнѣтить новшества, столь откровенно вводимого г. Стахѣвымъ?

Другая статейка, побольше, являетъ собою практическое приложеніе нѣкаго принципа. Это коротенькій разборъ направленія «Русскаго Богатства». Чудеса въ рѣшетѣ!

Оказывается, что «Русское Богатство» революціонный журналъ, что онъ восхваляетъ якобинцевъ и что въ немъ все надо понимать иносказательно. Ему ставится въ вину, что у него сотрудничаетъ французъ, не бонапартистъ, а убѣжденный республиканецъ и въ своихъ парижскихъ корреспонденціяхъ восторгается порядками своего отечества. Даже нѣкоторое несочувствіе одного изъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства» къ личности Іоанна Грознаго вызываетъ насильственное негодованіе консервативной редакціи. Очень недурные очерки Мельникова изъ быта каторжанъ, хотя и

3 одобряются въ литературномъ отношеніи, но «Русскому Вѣстнику» не нравятся, что авторъ ихъ въ одномъ мѣстѣ называетъ жестокии наказаніе, которому подвергнутъ какой-то инородецъ. Строго говоря, обвинительный актъ очень не богатъ. Видно, что редакция «Русскаго Вѣстника» руководствовалась не столько желаніемъ добросовѣстно уяснить себѣ направленіе «Русскаго Богатства», сколько стремленіемъ скорѣе какъ нибудь и во что бы то ни стало прийтись на практикѣ свой новый принципъ и посмотреть, что изъ этого выйдетъ.

Редакціонная замѣтка о «Русскомъ Богатствѣ» блещетъ не только голословной краткостью, торопливостью и незнакомствомъ съ «Русскимъ Богатствомъ», но и особымъ умисломъ, который подъ конецъ статьи и выдѣлывается изъ нея, какъ шило изъ мѣшка.

Наговоривъ на «Русское Богатство» не больше того, сколько могло-бы помѣститься въ записной книжкѣ городского, «Русскій Вѣстникъ» хватается въ заключеніе была прямо за рога и ставитъ на видъ, что журналъ это подцензурный и что слѣдовательно куда-же смотритъ цензоръ?

Это ужъ, дѣйствительно, пріятъ до сихъ поръ въ политической литературѣ не встрѣчавшійся.

Послѣ этого неужели я неправъ, что «Русскій Вѣстникъ» интереснѣйшій журналъ нашего времени?

Боюсь, что общеніе съ «Русскимъ Вѣстникомъ» нагнало на меня скуку. Весело, дѣйствительно весело и оригинально, но и чертовски скучно и базально. И вотъ неждъ вліяніемъ этого двойственного угла зрѣнія, когда—и весело тебѣ, точно ты смотришь безобразную комедію; и жутко, точно ты нагнулся надъ свѣже-выкопанной могилой и на днѣ ея въ ползуешь изъ нѣдръ земныхъ иль виднись не совсѣмъ еще стившій трушъ покойника, который нѣдъ когда-то жилъ и быть можетъ

былъ твоимъ другомъ, подъ вліяніемъ этого не совсѣмъ обычнаго настроенія взялся я за разсказъ г. Антона Чехова въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» подъ заглавіемъ «Донъ съ мезониномъ» — и нѣтъ разсказъ не понравился.

Ужъ столько разъ твердили г. Антону Чехову, что онъ талантъ, и даже высокій талантъ, что это, наконецъ, могло ему надобѣсть. Его сравнивали съ Гоголемъ, съ Тургеневымъ, еще не знаю съ кѣмъ. Преувеличенныя похвалы эти свидѣтельствовали о томъ, что г. Чеховъ дѣйствительно проявилъ дарованіе, и популярная газета воспылила великодушное возложить на него вѣнокъ славы. По весу, очень благородно поощрять начинающій талантъ похвалами; похвалы открываютъ его, и часть его энергій не уходитъ на сомнѣнія и на недоумѣніе къ себѣ, возбуждаемое несправедливой или придиричливой критикой. До г. Чехова было не такъ. Но не всѣ рождаются въ сорокѣ и не каждому писателю суждено сосредоточивать на себѣ восторженное вниманіе современниковъ. Не каждому также надобѣдуетъ похвалы. Я почему-то увѣренъ, что г. Чехову онѣ надобѣли. Потому что если-бы онѣ были ему попрежнему пріятны, то онъ попрежнему писалъ-бы хорошо и каждый его разсказъ представлялъ-бы собою нѣчто крѣпкое и поэтическое, а главное, свѣзое и не катанутое, какъ были свѣзлы и некатануты, бодры, свѣжи и почти дерзки его первоначальныя очерки.

Донъ съ мезониномъ не играетъ никакой роли въ «Донѣ съ мезониномъ». Онъ могъ быть и безъ мезонина. Художникъ, отъ лица котораго ведется разсказъ—человѣкъ совершенно бездѣльный и страшный болтувъ. Авторъ съ видными сочувствіемъ приводитъ его рачен о томъ, что не надо нагибаться въ жизнь лужиковъ, а слѣдуетъ освободить ихъ отъ тяжкаго физическаго труда, раздѣлить его съ ними. Старый рачен, который выдохнулся уже и въ первоначальномъ восторгѣ, поро-

Премію
за-дѣломъ

Чеховъ-Чехъ,
художникъ

дившемъ ихъ—въ устахъ Льва Николаевича. Конечно, отчего-же не дать передышки людямъ? Достигнуть этого, однако, можно ужъ никакъ не уничтоженіемъ раздѣленія труда, какъ непреложнаго не только социально-экономическаго, но и вселенскаго принципа. Ну, да что долго толковать. Безцвѣтный герой романа встречается съ безцвѣтной барышней изъ курсистокъ, которая также упрямо и бессмысленно вѣрится въ земскіе медицинскіе пункты, какъ бессмысленно и упрямо онъ ихъ отрицаетъ (талантливый и извѣстный художникъ). Къ безцвѣтной бесѣдѣ безцвѣтныхъ молодыхъ людей прислушивалась Мисюсъ—маленькая большеглазая семнадцатилѣтняя дѣвочка, тоже съ безцвѣтнымъ сердечкомъ и съ жалкой, безцвѣтной и безсильной душой. Дѣвочка эта влюбляется въ героя, потому что ей нравятся его раcen, и она выбѣгаетъ къ нему за ворота поцѣловаться безцвѣтными поцѣлуемъ. Но когда она рассказала объ этомъ сестрѣ и матери (тоже пребезцвѣтной старушонкѣ), то художникъ получилъ отказъ и теперь, вспоминая о своемъ афронте, на страницахъ «Русской Мысли», холодно спрашиваетъ, пародируя некрасовскій стихъ: «гдѣ ты эй Ивашъ» Мисюсъ, гдѣ ты?»

Г. Чеховъ такъ мало пишетъ и такъ, слѣдовательно, отдѣлываетъ и отшлифовываетъ свои вещицы, что отъ него въ правѣ требовать большей тщательности и оконченности въ работѣ каждый почитатель его таланта, къ каковымъ почитателямъ принадлежу, разумеется, и я. Безспорно, на шестнадцати страничкахъ найдется нѣсколько хорошихъ штриховъ. Очень недурно и даже благородно описаніе старой усадьбы и очень конченъ портретъ дамы, рыдающей въ минуты размоловки съ своимъ возлюбленнымъ, мужскимъ голосомъ. Есть и въ этомъ рассказѣ нѣчто Чеховское. А все-таки талантъ снискавшаго писателя переживаетъ какой-то кризисъ, и это стало за-мѣтно еще съ прошлаго года.

Изъ новыхъ книжекъ журнала обращаетъ на себя «Наблюдатель» романомъ г-жи Гиппиусъ. О ней можно сказать, что она положительно талантлива. Я не противопоставляю ее Чехову, но талантъ ея почти мужской и у нея скачивается по временамъ дерзкая и похвальная потребность сказать что нибудь новое и выйти изъ надоевшихъ всѣмъ рамокъ набитой условности. На этотъ разъ мы были мѣртно поражены отсутствіемъ въ новомъ произведеніи г-жи Гиппиусъ вычурныхъ образовъ и ужимокъ, такъ портившихъ ея прежніе рассказы. Фигуры дѣйствующихъ лицъ намѣчены широко и свободно—молодого человѣка, окончившаго университетъ и порывающагося служить народу, а пока принимающаго мѣсто учителя прогимназій, и его жены, стриженной и безвольной курсистки, сразу подпадающей подъ супружеское иго. Понятно, что и въ этомъ романѣ, какъ во всѣхъ повѣстяхъ и рассказахъ г-жи Гиппиусъ, должна выступить злая дѣвушка, рыжая или даже огненно-рыжая, съ загадочными глазами цвѣта морской воды, тонкая, какъ дождевой червякъ, и холодно-сладострастная. Такая особа уже очерчена въ лицѣ пока четырнадцатилѣтней дѣвочки Люси. Можетъ быть, выступитъ на сцену и та дѣвочка, которая въ двѣнадцать лѣтъ ходила на свиданія къ герою романа Шмалаеву (тогда студенту) и который цѣловалъ ее «хуже», чѣмъ потомъ свою жену Вѣру. Еще неизбеженъ молодой человекъ тоже очень тонкій и «вихлястый» (выраженіе г-жи Гиппиусъ), который носитъ въ себѣ все зло конца вѣка. И онъ намѣченъ. Вообще романъ интересенъ. Я замѣтилъ въ немъ всего одну небрежность. Въ первой главѣ говорится, что Вѣра не худая, а въ четвертой, что она худенькая. Черезчуръ скоро похудѣла.

Рыцарь Зерналъ

< И. И. Ясинскій >